

40. Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья / Г. А. Федоров-Давыдов. – М., 1994.
41. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства / М. Г. Худяков. – М., 1990.
42. Шнайдштейн Е. В. Археологические памятники Астраханской области. Путеводитель по памятникам археологии Ахтубинского района / Е. В. Шнайдштейн. – Астрахань, 1990. – С. 14–16.
43. Челеби Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Эвлия Челеби / сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков. – М., 1979. – Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья.
44. Юнусова А. Б. Ислам в Башкирии. 1917–1994 / А. Б. Юнусова. – Уфа, 1994.

## ДИАЛОГИЧНОСТЬ СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ МЕТАКУЛЬТУРЫ<sup>1</sup>

Е.В. Хлыщёва

В статье анализируются противоречивые тенденции современного мира, ведущие к формированию глобальной метакультуры, с одной стороны, и к самоидентификации локальных культур, с другой. Жизнеспособность существующего миропорядка во многом обуславливается способностью общества к культурному диалогу.

In the article the author analyzes inconsistent tendencies of the modern world, leaders to formation of global metaculture on the one hand, and to self-identification of local cultures, on another. Viability of an existing world order depends from the ability of a society to cultural dialogue.

*Ключевые слова:* культурный диалог, глобальная метакультура, «новый национализм», космополитизм.

*Key words:* cultural dialogue, global metaculture, “new nationalism”, cosmopolitanism.

Глобализация обуславливает повседневную встречу культур и межкультурные коммуникации в мировом масштабе, поэтому бытие современной культуры возможно лишь в диалоге, который является формой взаимодействия и понимания культурных реалий. Диалог – это общение с культурой, реализация и воспроизводство ее достижений, это «обнаружение и понимание ценностей других культур, способ присвоения последних, возможность снятия политической напряженности между государствами и этническими группами» [7, с. 12]. Процесс взаимодействия культур и есть диалог, а формы взаимодействия представляют собой различные виды диалогических отношений. Все современные культуры сформированы в результате многочисленного и длительного культурного взаимодействия. Сюда включается и диалог создателя и потребителя культурных ценностей, и диалог поколений, и диалог культур как формы взаимодействия и взаимопонимания народов.

Современные процессы вызвали к жизни проблемы, с которыми человечеству еще не приходилось сталкиваться, а потому и не существует готовых методов их решения. Ведущим процессом признается глобализация, которая демонстрирует две основные тенденции общественного развития. *Первая* – более явная культурная унификация по западному образу, в ходе которой со-

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 10-03-0064 За «Чужой и культурная безопасность».

циум постепенно отказывается от своих культурных особенностей и впитывает в себя чужеродную для него культуру, то есть поддается влиянию извне. Такая тенденция набирает все большую скорость последние два десятилетия. *Вторая* – это тенденция к самоидентификации локальных культур, то есть стремление отдельного народа к консолидации в рамках своей культуры.

Первая тенденция проявляется в формировании глобальной метакультуры, вторая приводит к проявлению феномена «нового национализма», где культуры рассматриваются как «исторические сообщества, обладающие набором институтов и единым языком, распространяющихся как на частную, так и на общественную жизнь» [13, р. 275]. Главная опасность этих тенденций, по сути взаимоисключающих друг друга, заключается в том, что, с одной стороны, вестернизация постепенно захватывает все области социально-экономической и политической жизни, отодвигая на второй план социокультурную обособленность нации, с другой стороны, процесс самоидентификации может приобрести радикальную и даже экстремистскую форму, что грозит неадекватностью форм этнокультурного самоутверждения.

Анализируя первую тенденцию, необходимо уточнить дефиницию «глобальная культура», полифункциональность которой представляется непосредственным результатом многогранности выражаемого феномена и ведет к выработке различных установок и познавательных задач. Практически все исследователи «глобальной культуры» констатируют ее многозначность, размытость очертаний, использование и применение в различных отношениях. Отождествление «глобальной культуры» с понятием «мировая культура» подразумевает «равноправный синтез лучших достижений различных национальных культур» [3, с. 17]. Действительно, научный анализ социокультурных аспектов глобализации показывает, что культурная универсализация не является линейным и однонаправленным процессом, но представляет собой процесс интеграционный, основанный на взаимопроникновении культур и на формировании на этой основе новой культурной целостности. Само понятие культурной целостности в современном мире представляется «готовностью к взаимодействию элементов структуры или системы» [8, с. 7], поэтому целостность содержит в себе ту множественность, которая в динамике развития культуры будет все время разворачиваться в весь диапазон возможностей, а не в однолинейный процесс.

Глобализационные процессы в современной культуре – это развитие нового типа культурных связей, который делает возможным понимание, принятие и уважение иной культурной модели мышления и поведения при сохранении ценностного основания своей индивидуальной и национальной культуры, а значит, унификация культуры, как и унификация сознания, невозможны в силу своей несостоятельности. Н. Луман считал, что в глобальном обществе «тенденция к дифференциации значительно превалирует над тенденцией к унификации; в результате формирующееся единое цивилизационное пространство все более разбивается на сегменты, иерархически выстроенные страты, пространство различных, несводимых друг к другу частей» [4, с. 44].

Однако, хотя ни одна культура не способна динамично развиваться без взаимодействия с иными культурами, у межкультурного взаимодействия есть и обратная сторона. Всегда может найтись более сильная и агрессивная культура, которая в случае непосредственного межэтнического контакта путем прямого или косвенного давления вызовет в другой радикальные изменения. Такой культурный контакт может привести к полной или частичной ассими-

ляции одной нации другой, слиянию одного народа с другим с полной утратой одним из них своей картины мира.

Не менее противоречива тенденция возрождения национализма, которая не была учтена даже в теоретических концептах, обосновывающих процессы глобализации и модернизации. Напротив, глобализационный процесс должен был привести к исчезновению национальной самобытности малых народов, которая заменяется или наднациональной космополитической самобытностью, или конституционной (гражданской) идентичностью. Однако этого не произошло, и в конце 1990-х гг. наблюдается возрождение национализма в новом значении «явления, имеющего объективный характер и не связанного с ситуативными или субъективными моментами» [2, с. 122], что повлекло за собой констатацию того факта, что в настоящее время государство утратило монополию на исключительное представительство или распоряжение культурной и эмоциональной лояльностью граждан. Актором, с которым государство разделяет данную монополию, является этнополитическая элита, представляющая «локальные сегменты многосоставных общественных систем» [2, с. 123]. Этот «новый коллективизм» [1, с. 48] связан с попыткой свести роль индивида к его существованию в качестве носителя культуры меньшинства. Наблюдается парадоксальное сочетание процессов глобализации, модернизации и фундаментализма, поскольку возрождение национализма стало глобальным феноменом, который проявляется в авторитарных и демократических, богатых и бедных, буддийских, мусульманских, христианских, индуистских, иудаистских странах.

Проявления «нового национализма» крайне разнообразны. На сегодняшний момент в условиях процесса глобализации сложилось два основных типа национализма, первый из которых отражает «устремления локальных национальных общностей, включенных в структуры многосоставных политических систем» [2, с. 124], второй – «устремления государства к централизованной интеграции и созданию модели "государство-нация"» [2, с. 125]. Понятно, что конфликтных ситуаций ни тот, ни другой вариант избежать не может, и потому такой национализм становится мощным вызовом процессам глобализации в целом. Особенно активную роль национализм играет в регионах, что приводит к обострению конфликтности с государственными системами.

Уже в конце XX в. национализм стал фактором формирования широкого спектра политических ситуаций и процессов в самых разных регионах мира. Получается, что идеи и практика национализма столь же *глобальны*, как и современное мировое развитие. Если это так, значит, национализм выступает как вызов не процессам глобального развития, а властной позиции бюрократии, неспособной регулировать общественные отношения в изменившихся условиях. Поэтому именно модель «государства-нации» представляет серьезную угрозу для демократического развития в силу подавления проживающих там национальных меньшинств. К сожалению, многие националистические доктрины, родившиеся в период деколонизации, позднее превратились в жесткие варианты подавления этнических меньшинств.

Сегодня все западные государства, имеющие в своем составе аборигенное население и субгосударственные национальные группы, становятся «мультинациональными», принимая в расчет совместное существование «народов» и «наций» в пределах одного государства. Такая позиция очерчивает сферу прав национальных меньшинств, которая включает региональную автономию, официальный языковой статус для этнических меньшинств, традиционные законы,

земельную собственность и право на самоуправление. Однако не существует международных документов, направленных на фиксацию прав отдельных национальных групп. Нет международного документа, выражающего принцип территориальной автономии или официального языкового статуса для обособленных национальных групп.

На сегодняшний день глобализационный процесс принес меньшинствам лишь многочисленные трудности, главной из которых является влияние иммиграции. Огромное число иммигрантов селятся в городах, находящихся в самом «сердце» проживания национальных меньшинств: Монреаль (Квебек), Барселона (Каталония), Бильбао (Страна Басков), Глазго (Шотландия), Брюссель (Фландрия), Женева (франкоговорящая Швейцария) и т.д., что влияет на вид национальной самобытности, поэтому вполне логично, что многие националисты малых народов недовольны такими изменениями и рассматривают иммиграцию как угрозу своей традиционной самобытности. Иными словами, иммиграция любого вида рассматривается как угроза традиционной модели мононационального государства, а также бросает вызов социокультурным установкам национальных меньшинств, которые позиционируют себя как независимые нации внутри большого государства, а значит, антагонистичны иммигрантам. Только в некоторых случаях меньшинства позволяют иммигрантам выражать свою этническую самобытность, одновременно стимулируя их интеграцию в свою национальную культуру.

Представители культурного большинства не проводят четкого различия между группами национального меньшинства и иммигрантами, и даже считают их союзниками, так как требования и тех, и других изменяют традиционную модель «гомогенного национального государства». Между тем, защищая право национальных меньшинств на самоопределение и справедливость требований иммигрантов на аккомодацию своих этнокультурных практик, необходимо учитывать, что между этими требованиями существует глубокий конфликт. И национальные меньшинства, и иммигранты становятся участниками новой политики идентичности, ратуя за расширение пространства, где могли бы выражать свое многообразие. Но, в своей основе, отношения между меньшинствами и иммигрантами гораздо сложнее, чем можно предположить. Остро встает вопрос о способности меньшинств интегрировать иммигрантов в свою культуру, становясь при этом «мультикультурными» [10, с. 37]. Ведь если иммигранты, живя на территории национального меньшинства, интегрируются в группу, представляющую большинство населения страны, то тем самым наносится удар по степени значимости меньшинства, что отражается на политических правах последнего. Именно поэтому власти принимающих стран предлагают иммигрантам селиться на земле, традиционно занимаемой национальными меньшинствами, используя это как способ давления на меньшинства и лишение их части прав и привилегий даже на своей исторической территории. Иммигранты же предпочитают интегрироваться в доминирующую культуру, так как это дает им большие экономические возможности и повышает мобильность, например, многие иммигранты в Канаде предпочитают учить английский язык вместо французского (конечно, если у них вообще имеется выбор). Но сам факт, что иммигранты желают слияния с доминирующей культурой, представляется властям веским основанием для интеграции и самого национального меньшинства.

Иммигранты, как правило, не разделяют менталитета «выживания», который сложился у национальных меньшинств в многовековой борьбе за со-

хранение своего образа жизни и автономии. Поэтому, даже если иммигранты выучат язык меньшинства и интегрируются в их культуру, они вряд ли будут поддерживать существующую «мобилизацию». Иными словами, иммигранты могут присоединиться к меньшинству, но самим этим меньшинством не станут никогда. Как результат, национализм меньшинств приобретает форму «этнического национализма»<sup>1</sup> по признаку кровного родства, который «страдает ксенофобией, а потому старается избавиться от иммигрантов» [13, р. 221]. Такой «национализм» гораздо менее толерантен к разнообразию, нежели западная форма национализма и национальной идентичности. При этом взаимосвязь между национализмом меньшинств и этническим национализмом столь крепка, что рассматривается многими исследователями (Т. Фрэнк, Д. Холлинджер, М. Игнатиефф) как наследственная этническая исключительность и природная оппозиция гражданской нации.

Д. Холлинджер сравнивает национализм меньшинств с нелиберальной плюралистической формой мультикультурной модели, делящей людей на категории по крови, что является эквивалентным расовой сегрегации [11, р. 134]. М. Игнатиефф характеризует национализм меньшинств как этнический, определяемый по расе и крови, а потому не совместимый с либерализмом, демократией и миром [12, р. 187]. Фрэнк считает, что национализм своеобразно борется против неизбежных последствий глобализации, хотя конкурировать с ней уже не способен. Поэтому, возможно, именно национализм сможет стать эффективным способом, с помощью которого национальные группы будут модернизировать свои общества и более активно участвовать в международном экономическом и социокультурном развитии [12, р. 228]. Однако последнее утверждение достаточно спорно, так как борьба за «лучшее существование», лежащая в основе националистической идеологии, не ограничивается только экономическим развитием (модернизацией<sup>2</sup>), но включает в себя также развитие культурное, использование собственного языка, религиозную свободу, контакты с другими странами и т.д. В этих аспектах национализм не только не обеспечивает модернизацию, но и прямо ей противоречит. Поэтому В.Г. Федотова считает возможным использовать национализм как в модернизаторских, так и в традиционалистских целях. Кроме того, существует возможность и третьего пути – «провинциализации, то есть закрепления отсталости» [9, с. 94].

В целом национализм меньшинств становится помехой на пути реализации «включающей» модели и достижения большей толерантности в конкретном обществе. Меньшинства не являются партнерами иммигрантам в строительстве новых форм постэтнических демократий; скорее, они будут бороться за сохранение устаревшей формы этнического государственного статуса. Однако проблема гораздо глубже. Меньшинства, как и ведущая нация стра-

---

<sup>1</sup> Этнический национализм здесь понимается как идеология и политическая практика, в основе которых лежит представление, что нация является фазой развития этноса. Этнический национализм фокусирует свое внимание на «органическом единстве» образующих нацию людей, которое может иметь культурную или генетическую природу. С этой точки зрения, членов нации объединяет общее наследие, язык, религия, традиции, история, кровная связь на основе общности происхождения, эмоциональная привязанность к земле, так что все вместе они образуют один народ или сверхсемью, кровнородственное сообщество.

<sup>2</sup> Под модернизацией понимается ориентация на модель прогресса по западному образцу.

ны, нуждаются в иммигрантах для поддержания экономического и демографического уровней. Поэтому актуальнейшим вопросом на сегодня становится проблема инкорпорирования иммигрантов не только в принимающее общество в целом, но и конкретно в национальное меньшинство. За основу берется уже работающая концепция «конструирования национальной идентичности через постэтничность и мультикультурность» [13, р. 282]. Однако найти баланс между требованиями меньшинств и мультикультурностью иммигрантов крайне сложно. Каждый конкретный случай требует особого осмысления.

Культуры меньшинств не изолированы от мира, напротив, они «открыты и плюралистичны, перенимая и интегрируя значимые элементы других культур» [6, с. 17]. Такой обмен не угрожает культурной самобытности. Никто не хочет строить неприступные стены вокруг культуры, чтобы отрезать ее от мирового прогресса» [5, с. 23]. Либералы не предлагают «законсервировать» свою культуру в «подлинном» состоянии, если это означает жить так же, как жили предки столетия назад, отрицая любые контакты с другими культурами. Напротив, «культуры демократического общества должны быть космополитами, участвуя в культурном обмене, но оставаясь глубоко привязанными к своим общинным корням» [13, р. 289]. Вопрос о том, следует ли интегрировать иммигрантов в национальное меньшинство (и если «да», то как это делать), пока остается открытым.

Степень, по которой национальные меньшинства могут быть отнесены к определенной категории (этнической, постэтнической), определяется после тщательного анализа всех факторов развития, но никак не концептуальной санкцией. Во многих западных демократических странах наблюдается тенденция изменения восприятия национализма меньшинств. Последний становится более открытым для иммигрантов, расширяя базу для национального самосознания. Иными словами, национальные меньшинства стремятся интегрировать иммигрантов в свое общество по примеру доминирующей культуры (большинства), используя аналогичные методы и средства. Они придают большое значение языковой и институциональной интеграции иммигрантов, одновременно принимая и уважая проявления их этнической культуры.

Достижение подлинного единства должно совершенно исключать всякое проявление какого бы то ни было единообразия, принуждения, подчинения. Только организация, представляющая собой естественное объединение всех наций, где каждая занимает место, достойное ее национального духа, в состоянии обеспечить прогрессивное единство, позволяющее надеяться на прочность и длительность его существования. Жизнеспособность такого объединения может быть достигнута только в том случае, если оно совершается на основе некой центральной идеи, способной вместить в себя и дать должное место всевозможным, самым разнообразным – и даже противоречащим друг другу – традициям и принципам. Здесь должны быть полностью оставлены соперничество, борьба за первенство, которые должны уступить место стремлению к гармоничному совместному общежитию, к действенному и просвещенному сотрудничеству. Готов ли современный мир к такому сотрудничеству? Вопрос риторический.

#### **Список литературы**

1. Бек У. Космополитическое общество и его враги / У. Бек // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. VI, № 1.

2. Боришполец К. П. Национализм как вызов глобальному развитию / К. П. Боришполец // Мир и Россия на пороге XXI века: Вторые Горчаковские чтения. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001.
3. Костикова Л. П. Мультиплицитное видение культуры как тенденция развития образования / Л. П. Костикова // Высшее образование сегодня. – 2008. – № 3.
4. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман ; пер. с нем. И. Д. Газиева ; под ред. Н. А. Головина. – СПб. : Наука, 2007.
5. Милль Дж. О свободе / Дж. Милль // Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 10–15; № 12. – С. 23.
6. Романова А. П. Толерантное отношение к «Другому» в молодежной среде полиэтничного региона / А. П. Романова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – № 4 (25).
7. Сайко Э. В. О природе и пространстве «действия» диалога / Э. В. Сайко // Социокультурное пространство диалога. – М., 1999.
8. Тишунина Н. В. Современные представления о глобальном характере социокультурного развития человечества / Н. В. Тишунина // Глобализация и культура: аналитический подход. – СПб. : Янус, 2003.
9. Федотова В. Г. Модернизация другой Европы / В. Г. Федотова. – М. : Ин-т философии РАН, 2005.
10. Якушенков С. Н. Чужое тело сквозь призму встречи цивилизаций или Личико Гюльчатой / С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – № 4 (25).
11. Hollinger D. A. Postethnic America: Beyond Multiculturalism / D. A. Hollinger. – New-York : Basic Books, 1995.
12. Ignatieff M. Blood and Belongin: Journeys into the New Nationalism / M. Ignatieff. – New-York : Farrar, Straus and Giroux, 1993.
13. Kymlicka W. Politics in Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, Citizenship / W. Kymlicka. – Oxford : Oxford University, 2001.

## ТЕХНОГЕННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ<sup>1</sup>

С.А. Храпов

В статье рассматривается комплексная проблема взаимовлияния техногенной цивилизации и содержательного уровня трансформации общественного сознания. Автором предлагается осмысливать техногенные метаморфозы (превращения) общественного сознания с точки зрения ключевых социокультурных процессов аксиологизации техногенного, техногизации культуры и идентичности.

The article discusses the complex problem of interaction of technological civilization and meaningful level of transformation of public consciousness. The author proposes to interpret technological metamorphosis (transformation) of public consciousness in terms of key socio-cultural processes of technological aksiology, tehnogization culture and identity.

*Ключевые слова:* общественное сознание, техногенные метаморфозы, техногизация, информатизация, техногенный человек, техногенное общество, культура, ценности, социоантропогенез.

*Key words:* social consciousness, technologicalmetamorphosis, tehnogizatsiya, informatization, manmademan, man-made society, culture, value, sotsioantropogenez.

---

<sup>1</sup> Статья выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 11-33-00239a1 «Социоантропогенез в эпоху современных высоких технологий: аксиологический, социокультурный, гендерный анализ».